

УДК 81'37(470.53/531)

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРМСКИХ ОТЫМЕННЫХ ФАМИЛИЙ В XVII – XVIII ВЕКАХ¹

Елена Николаевна Полякова

**профессор кафедры общего и
славянского языкознания**

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15, 32polyakova@mail.ru

По данным пермских памятников письменности XVI-XVIII вв. рассмотрено образование фамилий в Прикамье и их основы. Показан механизм образования фамилий на базе полуотчеств из календарных имен, причины преобладания в XVII в. фамилий от некалендарных имен и распространения в XVIII в. фамилий от календарных имен. Охарактеризованы сохранившиеся древнерусские имена, группы наиболее популярных некалендарных имен XVII в., коми-пермяцкие имена, давшие фамилии. Исследование актуально для разработки истории русской антропонимии, истории русского языка, для описания языка и культуры Прикамья.

Ключевые слова: Прикамье; формирование; фамилии; некалендарные и календарные имена.

Фамилией является наследственное именование человека, указывающее на его принадлежность к определенной семье. Процесс формирования фамилий в русском языке отражается в памятниках письменности с самого его начала и представлен в различных текстах с XIV-XV вв. Образование фамилий начинается с перехода в семейные именование родовых прозваний князей и бояр. Постепенно (хотя и очень медленно) расширяется круг носителей семейных именованных, процесс их образования демократизируется, распространяется на дворянство, затем на купечество, а в XVII в. охватывает все податное население России (в основном крестьян и ремесленников).

Фиксация именованных, связывающих отцов и детей – членов семьи, была необходима для учета населения. Это было особенно важно в стране с бурно растущей в XVII в. территорией, увеличивающимся населением и с активным переселением людей на новые места. Закрепление общего именованного членов семьи, т.е. практически фамилии, происходит для всего населения, прежде всего в переписных документах, в делопроизводстве, и обусловлено государственными нуждами (стремлением не потерять уплачивающих подати). Формы фамилий складываются и функционируют в деловом языке, поэтому именно памятники делопроизводства дают основной материал для изучения формирования и функционирования

фамилий в разные периоды истории. Поддерживает общие тенденции и нормы образования и употребления фамилий на обширной территории России приказный, деловой язык, нормы которого не были зафиксированы в грамматиках, но определялись самими законодательными текстами (судебниками, Соборным уложением 1649 г.) и правительственными документами, рассылаемыми во все концы страны. На них и ориентировались составители текстов в судебных избах и приказных палатах.

Изучение фамилий в России, начинавшееся на научной основе с середины XIX в., особенно активизировалось в русских и зарубежных исследованиях с середины XX в., что создало базу для разработки истории этого вида антропонима, абсолютно необходимого для каждого человека в настоящее время. Работа началась в XIX в. с анализа переходящих в фамилии родовых прозваний [Карнович 1995], сбора материала по основам фамилий (некалендарным именам и прозвищам) [СДЛСИ; Ономастикон] и разработки их семантической классификации в 40-е гг. XX в. [Селищев 2003 а; там же 2003 б], с осмысления общих закономерностей возникновения и оформления в языке такого антропонимического явления, как фамилия, по данным центральных памятников письменности [Чичагов 1957], с подключения к анализу и осмыслению истории обширного антропонимического материала разных эпох [Ни-

конов 1974]. Появляется описание на базе научного исследования истории развития русских именований, включая фамилии, в пособиях для студентов [Зинин 1972] и книгах для учащихся [Полякова 1975]. Разрабатываются теоретические вопросы русской антропоники [Суперанская 1969; Бондалетов 1983], словари русских фамилий [Федосюк 1972, Никонов 1993], исследуются русские фамилии с иноязычными основами [Баскаков 1979]. Развернуто изучение фамилий разных регионов России [Никонов 1988; Смольников 2005 и др.], создаются региональные словари фамилий по источникам XV-XVIII вв. [Чайкина 1995; Парфенова 2005; Королева 2006; Кюршунова 2010].

Региональные исследования необходимы для разработки полной истории формирования, развития и функционирования русских фамилий, и в этом отношении существенная роль отводится пермским фамилиям. Они были тесно связаны, с одной стороны, с ономастикой Русского Севера и центра России, с другой стороны, – Сибири, куда выходцы из Пермского края в XVII-XVIII вв. несли свою антропонию, в частности возникшие в Прикамье семейные именованья.

Пермскими обычно называют фамилии, функционирующие в Пермском крае (Верхнем и Среднем Прикамье). Они могли возникнуть на его территории или быть принесенными сюда в разное время в связи с переселением жителей из других мест.

О возникновении пермских фамилий и их ранней истории можно судить по материалам памятников деловой письменности, составляемых в Прикамье, начиная с середины XVI в. Сохранились пермские тексты разных жанров: переписные (писцовые, переписные, дозорные книги), административные, судебные, имущественные, таможенные, церковные и др. В них фиксировали именованья жителей Пермского края, позволяющие увидеть, как шел процесс образования фамилий в этом регионе.

Становление и функционирование отдельных фамилий или групп фамилий рассмотрены в ряде работ пермских исследователей [Кривошекова-Гантман 1973; Полякова 1974; Шумилов 1991; Медведева 1999; Семькин 1999]. Кроме того, по материалам письменности XVI-XVIII вв. автором данной статьи составлен «Словарь пермских фамилий» (более 5 тысяч статей), в котором процитированы тексты памятников, содержащие фамилии, и показано их происхождение, в том случае, если его возможно установить или хотя бы предположить [СПФ].

В основе формирующихся в XVII-XVIII вв. фамилий обычно лежали личные имена или прозвища людей. Фамилии, возникшие на основе

прозвищ, являются прекрасным материалом для изучения географических связей, рода занятий жителей, их профессий, национальности, социального положения, особенностей материальной и духовной культуры. Поэтому они представляют большой интерес не только для ономастологов, но и для диалектологов, историков, этнографов.

В связи с этим исследования нередко посвящены именно фамилиям, образованным от прозвищ из географических названий или слов нарицательных, называвших предметы быта, профессии, национальности. Анализу имен, особенно календарных имен (как основ фамилий), уделено гораздо меньше внимания. В какой-то мере это обусловлено и тем, что пласт семейных именованья от календарных имен возникает и фиксируется позднее, чем пласт фамилий из некалендарных имен.

В данной статье мы только отметим, что в Прикамье замечательно представлены оттопонимические фамилии, дающие представление о Русском Севере как главном источнике активной русской крестьянской колонизации Перми Великой в XVII в. Они указывали на населенный пункт или бассейн реки, откуда прибыл человек: Вологжанинов (из Вологды), Вычегжанин (с реки Вычегды), Двинянинов (с Северной Двины), Кивокурцев (из Кивокурья на Северной Двине), Колмогоров (из Холмогор), Мезенцев (с реки Мезени), Пинягин (с реки Пинеги), Поморцев (из Поморья), Сухонцев (с реки Сухоны), Югов, Южанин, Южанинов, Юженин, Юженинов (с реки Юг бассейна Северной Двины). Реже отмечались фамилии переселенцев с других территорий (Москалев, Москвин, Вяткин, Костромин, Нижегородов, Тверитинов, Углицких, Калугин, Рязанцев).

В прозвища переходили названия многих профессий, давшие затем фамилии Винокуров, Горшечников, Деготников, Колесников, Красильников, Кузнецов, Лодейщиков, Мельников, Овчинников, Плотников, Ростовщиков, Черепанов, Шубников. Дали фамилии прозвания людей по принадлежности к определенной народности или этнической группе, т.е. образованные от этнонимов (Башкирцев, Вогинов, Вотяков, Калмаков, Катаев, Корелин, Мишарин, Мокшин, Мордвинов, Нагаев, Черемисинов, Югринов).

Возникали фамилии и от индивидуальных прозвищ, в которых отмечались личные особенности человека – его внешность, манера поведения, особенности произношения и т.д. Иногда прозвищами становились словосочетания: Густая Каша, Мерзлая Каша, Тучный Лоб, Широкая Лыжа, Мягкое Поле. От них тоже создавали фамилии: Густокашин, Тучнолобов, Мягкополов.

Рассмотрим механизм возникновения русских фамилий, на основе которого образовывали и фамилии жителей Прикамья. Он представлен в документах разного вида (жанра), но наиболее отчетливо в переписных документах, особенно в писцовых книгах.

Результатом самой ранней переписи в Прикамье были писцовые книги Перми Великой (т.е. северной части Пермского края) Ивана Яхонтова 1579 г. В это время переписчики обходились преимущественно двухкомпонентными сложными антропонимами двух видов.

К первому виду относились антропонимы, состоящие из календарного имени человека и его именованья по отцу (из календарного имени отца), например: в деревне Цыдве на реке Цыдве записаны крестьяне Мартышко Гаврилов (от имени отца Гаврило), Ивашко Савин, Данилко Никифоров, Михалка да Илейка Афанасьевы [Я: 25]. Именования Гаврилов, Савин, Данилов, Афанасьев в книге 1579 г. являлись практически отчествами. Исследователи их называют также полуотчествами, так как в них еще не было обычного для отчества суффикса -вич (Гаврилович, Афанасьевич), первоначально принятого только для бояр или лиц, которым в XVI в. специальным царским указом давалось право именоваться «с вичем».

Антропонимы второго вида состояли из календарного и некалендарного имени (или прозвища) – Ганка Кисель, Иванко Нос, Гриша Ожгибес, Микитка Опалиха, ср.: Крестьянин деревни Нырыб на роднике Иванко Нос [Я: 24]. Именованье Нос могло быть дано самому переписываемому человеку, но могло быть и полуотчеством из некалендарного имени, полученным по наследству. Оно закрепляло за сыном права отца на землю и имущество. К сожалению, нередко не представляется возможным установить определенно, кому изначально дано это некалендарное именованье: записываемому человеку или его отцу.

Имя или прозвище отца через ступень отпрозвищного отчества становилось семейным именованьем и, передаваясь из поколения в поколение, стало фамилией. Так, фамилия Носов от некалендарного имени (или прозвища) упомянутого выше Иванки Носа существует в Ныробе до настоящего времени, т.е. более 4 столетий.

В Прикамье XVII в. выработан трехкомпонентный сложный мужской² антропоним, например: Ивашка Петров сын Бажен. В нем Ивашка – имя записываемого, Петров сын – именованье его по отцу (полуотчество), Бажен – некалендарное имя отца. Последнее приходилось записывать, так как существовали очень частотные календарные имена отцов (как и самих запи-

сываемых): Иван, Петр, Андрей, Федор, Тимофей и др. И в одном населенном пункте могло оказаться несколько человек с антропонимом Ивашка Петров сын. Их различали по некалендарным именам или прозвищам отцов, ср.: один – Ивашка Петров сын Бажен, другой – Ивашка Петров сын Кашин. Некалендарное имя отца становится основным различителем в сложном антропониме.

Однако в этом антропониме отчество от календарного имени (Петров; Петров сын) использовалось как притяжательное прилагательное (Петр > Петров), а прозвищное отчество (Бажен) сохраняло форму существительного в именительном падеже. Если еще учесть, что сложный антропоним нередко был четырехкомпонентным и содержал некалендарное имя или прозвище самого переписываемого (Ивашка Шадра Петров сын Бажен), то в именовании оказывалось два некалендарных имени (или прозвища) в именительном падеже, что создавало неудобство. Оно преодолевалось в результате перехода отпрозвищного именованья тоже в форму притяжательного прилагательного (Баженов).

Это именованье в форме притяжательного прилагательного (с суффиксом или формантом -ов) без изменений переходит далее к сыну Ивашки (Андрюшка Иванов сын Баженов) и сохраняется у всех последующих поколений уже как семейное именованье, т.е. становится фамилией. Итак, фамилии пережили процесс субстантивации, в их основе лежит притяжательные прилагательные с суффиксами (формантами) -ов / -ев или -ин.

Таков механизм образования фамилий, но в реальной жизни не было четкости в его реализации, что хорошо видно в пермских памятниках.

Следующие писцовые (1623-1624 гг.) и переписные книги (1647 г. и 1678 г.), а также тексты документов других жанров (челобитные, допросные сказки, мировые, купчие, духовные (завещания), поручные, подорожные и т.д.), в которых преобладали трехкомпонентные именованья, свидетельствуют о том, что процесс образования фамилий шел длительно и непросто.

Сохранились имущественные документы двух семейных архивов: крестьян из деревни (потом села) Цыдвы (ныне Чердынский район) и из деревни Родники Половодовского стана (Соликамский район). Они охватывают большой период (с конца XVI в. до середины XVIII в.) и показывают, что семейное именованье (Афанасьев, Девятков, Иртегов) появляется еще в XVI в. как полуотчество, становясь фамилией, записывается в разной форме на протяжении всего XVII и начала XVIII в., ср.: Григорей Михайлов сын Афанасьева (так!), его сын Левонтей Григорьев сын

Афонасьева, брат Григория Третьяк Михайлов сын Афонасьева, его сын Степан Третьяков сын Афонасьевых, Фотий Иванов сын Афонасьева, его сын Захар Фотиев сын Афонасьевых, его сын Иван Захаров сын Афонасьев.

Форма род. падежа (Левонтей Григорьев сын Афонасьева), исчезает в XVII в., но фамилии на -ых / -их (Афонасьевых) широко распространяются в Прикамье. Их появление вызвано существованием больших семей, в которых было иногда до 4 поколений. И характеризуя человека, нередко отмечали его отношение не к отцу (чей? – Афонасьев), а ко всей семье (чьих? – Афонасьевых).

Итак, в XVII в. в Прикамье возникают семейные именованья (фамилии) для всех слоев населения с формантами -ов / -ев, -ин, -ых (-овых, -евых, -иных): Баженов, Афонасьев, Савин, Баженовых, Афонасьевых, Савиных. Основой их становились мужские календарные и некалендарные имена или прозвища. Вместе с тем в деловом письме XVII в. прозвищами называли все некалендарные антропонимы (имена, прозвища и формирующиеся фамилии). Прозвища, выступавшие практически в роли семейных именованний (фамилий), отмечали и царские указы: Велено на Кунгуре стрел(ь)цов и казаков и пушкарей... переписать по имяном с отцы и с прозвищи [КА: 271].

В этот период фамилии формируются преимущественно от некалендарных имен и прозвищ, так как при образовании от календарных имен они совпадали по форме с полуотчествами, что было неудобно для различения. Кроме того, оказалось бы слишком много Ивановых, Петровых, Сидоровых и т.д., потому что давшие их имена были очень частотны. Прозвища же были индивидуальны, как и многие некалендарные имена, и очень удобны для различения семей.

Часть употребляемых в Прикамье некалендарных имен существовала еще в древнерусском языке, о чем свидетельствуют памятники письменности и исследования их. Сведения о русских (непермских) некалендарных именах, используемые для сопоставления с пермскими материалами, почерпнуты из «Словаря русских личных собственных имен» Н.М.Тупикова, «Ономастикона» С.Б.Веселовского, из книги А.А.Зализняка «Древненовгородский диалект», работ по русской антропонимии А.М.Селищева, В.К.Чичагова, В.А.Никонова, С.И.Зинина, Ю.И.Чайкиной, С.Н.Смольникова и других исследователей.

В пермских текстах XVI-XVII вв. зафиксированы ставшие основой фамилий некалендарные имена, присутствовавшие еще в ранних древнерусских памятниках: Добрыня (с X в.), Бажен (с

XI в.), Ждан (с XII в.), Дунай (с XIII в.) [СДЛСИ: 185, 90, 201, 195] и др. Многие из имен многократно отмечаются в различных русских текстах с XV – начала XVI вв.: Дружина [Ономастикон: 101], Замятня, Любим, Томило [СДЛСИ: 212, 189, 450], Путило, Шумило [СДЛСИ: 382; Ономастикон: 262; 374] и т.д.

Ср. такие имена в пермских документах: Житель Соли Камской Бажен Трофимов сын Распоп [КСГ: 180 об.]; Чердынской деревни Немзи крестьянин Добрыня Ортемов [Я: 30 об.]; Соли Камской посадской человек Ждан Григорьев сын Сапожников [КС: 64]; Деревни Сумыча на реке Сумыче крестьянин Замятня Исаков [Я: 28]; В городе Кунгуре солдат Любим Васильев [КА: 13]; Житель Усолья Камского Томило Елисеев [КС: 167].

От них в Прикамье образованы многие фамилии, ср.: Крестьянин Очерского острожка Клишко Иванов сын Баженов [Е: 124]; Крестьянин Очерского острожка Сенька Клементьев сын Баженовых [Б: 209 об.]; Житель села Новое Усолье Иван Иванов сын Добрынин, [Стр 3: 401 об.]; Крестьянин погоста Янидор Евсей Родионов сын Жданов [СЧ: 2]; Крестьянин д. Савина Матюшка Киприянов сын Ждановых [Б: 206]; Чердынец Мит(ь)ка Яковлев сын Замятнин [КЧ: 48 об.]; Чердынец Сидорко Замятниных [РСЧ 4: 76]; Крестьянин Кул(ь)чужского стана Кирилко Любимов [РСЧ 5: 60]; Крестьянин починка на Пятышевом мысу Аврамко Томилов [КС: 182 об.]; Житель Редикорского стана Коземка Томиловых [РСЧ 5: 94 об.].

Из древнерусского языка в речь жителей Прикамья пришли старые формы имен, характеризующихся определенными формантами (суффиксами), например, с формантом -ило (Братило, Жубрило, Комшило, Лошило, Путило, Шумило и др.), ср. в новгородских берестяных грамотах Дедило [здесь и далее: Зализняк 1995: 276], Душило [273], Коснило [282], Прибило [277], Путило [481], Русило [289], Селило [436], Твердило [316], Ярило [368].

В пермских памятниках зафиксированы фамилии от имен на -ило: Крестьянин села Слутка на реке Каме Исачко Константинов сын Грездилов [Е: 127]; Житель Кызеловского рудника Иван Борисов сын Заразилов [Ч 1: 143 об.]; Крестьянин деревни Сухая Речка Федор Звездилов [Кун: 358]; Крестьянин деревни Чолыб Алешка Павлов сын Колотилов [КЧ: 58 об.]; Чердынец Нестерко Кормилов [РСЧ 4: 78]; Крестьянин деревни Таборы на реке Каме Стенька Иванов сын Можжилов [Е 1: 173 об.]; Крестьянин деревни Кемоль на реке Кемоле Богдашко Иванов сын Обрядилов [К: 152]; Крестьянин деревни Нижне-Муллинская Андриюшка Лукоянов сын Путилов

[Е: 123], Крестьянин деревни Кривец на реке Обве Иско Дмитриев сын Рагуилов [КЧ: 140]; Крестьянин села Новое Усолье Григорей Осипов сын Турилов [Стр 3: 417 об.]. В систему русских имен на -ило входят и образованные на основе заимствований. Так, имя Серсило (ср. фамилию Серсиров: Крестьянин деревни Парашина Степан Герасимов сын Серсиров [Ш 53: 339]) восходит к коми-пермяцкому слову сёрся ‘поздний, запоздалый’ [КПРС: 426].

По-видимому, существовали а Прикамье и отглагольные имена с формантом -ало: Ботало, Брызгало, Выгало, Громышало, Запивало, Заспало, Качало, Колыбало, Кутало, Нюхало, Подчищало, Подшивало, Ширыкало. Они не зафиксированы в исследуемых текстах, но употреблялись в быту и легли в основу фамилий: Чердынец Архипка Боталов [РСЧ 4: 17]; Крестьянин погоста Вильгорт на реке Колве Степанко Матвеев сын Брызгалов [КЧ: 75]; Житель Усоля Камского Афонька Григорьев сын Громышалов [КС: 154]; Крестьянин деревни Плеханова Михей Запивалов [Кун: Е: 95]; Крестьянин деревни Баранчина Никишка Заспалов [КА: 214]; Крестьянин деревни Кочалова на реке Юрмане Дорофейко Васильев сын Кочалов [К: 129]; Житель города Кунгура Титко Колыбалов [РСЧ 1: 4]; Житель города Кунгура Борис Куталов [КА: 205]; Крестьянин деревни Новое Село на реке Бучелге Авдейко Андреев сын Нюхалов [Е: 103]; Крестьянин деревни Осиновская Панфилко Григорьев сын Подчищалов [Б: 33 об.]; Житель Соли Камской Федька Подшивалов [СПИИ, к. 5: 1327]; Чердынец Петрушка Ширыкалов [РСЧ 5: 102].

Ю.С.Азарх отмечала, что «рост наименований лиц на -ло в нардно-разговорном языке старорусского периода и несоответствие грамматического рода подобных образований мужскому полу дериватов влечет сначала изменение рода и типа склонения у подобных образований, чему способствует безударность флексии...» [Азарх 1984: 28]. Пермские памятники свидетельствуют о том, что в Прикамье такие имена на протяжении XVII в. выходят из употребления в деловом письме.

Некоторые из характерных для древнерусской антропонимии имен не дошли до пермских памятников, история которых начинается лишь с середины XVI в. Так, в новгородских берестяных памятниках XI-XIV вв. отмечаются имена с формантом -ата / -ята: Братята [здесь и далее: Зализняк 1995: 259], Вышата [275], Гостиата [224, 260], Мальята [278], Местята [238], Нежата [246, 304], Твердыата [259, 303]. Они отмечаются и в других памятниках в XII-XVII вв.: Городята, Гостиата,

Добрыата, Жирята, Пирята, Тешата [Голкачев 1977: 119-120].

Самая древняя пермская ономастика связана с новгородской (ср. имя Полюд, гидроним Вишера и др.), но имена на -ата /-ята в исследуемых материалах отсутствуют. Вместе с тем здесь в фамилиях сохранились некоторые следы употребления их в прошлом. В тексте 1623 г. Крестьянин деревни Булатова на реке Усолке и на реке Яйве Тимошка Григорьев сын Телятин [КС: 148 об.] фамилия Телятин восходит к некалендарному имени отца Тимошки – Телята (форма ед. числа). Свидетельством употребления в прошлом такого имени является текст Крестьянин сельца Камасино на реке Чусовой Телят Глазунов [К: 118], в котором, однако, имя записано в форме Телят (ед. число), но адаптировано к муж. роду. Есть разные взгляды на происхождение имен на -ата / -ята, о их возникновении и функционировании написано достаточно много работ [Голкачев 1977: 115]. Их считают либо пришедшими из нарицательных существительных с основой на *ent, называвших детенышей человека и животных, либо образованными от основ различных частей речи с именным суффиксом.

В XVII в. старое склонение таких имен нарицательных разрушается, в ед. числе в Прикамье уже использовались формы на -енок (теленок, жеребенок, робенок), ср.: Досталось... жеребенок гнед да теленок бычек [Уд: 239]. Правда, параллельно иногда употреблялись и старые формы: «Скот кобыла да мерин рыж да жеребя лысо лонщик» [ЧМ 2561: 3].

Вместе с ними в пермской антропонимии XVI-XVII вв. появились именованья на -енок: Бабенок, Быданенок, Волченок, Гостенок, Дербышонок, Комленок, Лапенок, Чертенок: Житель города Кунгура Семен Комленок» [КЗСИ: 797], Житель Усоля Камского Васька Самойлов сын Чертенок [КС: 165 об.]. Большая часть имен на -енок / -онок не зафиксирована в свободном употреблении, но восстанавливается по пермским фамилиям, например, Быданенок, Волченок, Гостенок, Лапенок, ср.: Житель сельца Никольское, Медянка тож, Кондратей Быданенков [КЗСИ: 565]; Крестьянин села Слудка на реке Каме Афонко Васильев сын Волченков [Б: 2]; Крестьянин погоста Янидор Максимко Юрьев сын Гостенок [КЧ: 116]; Чердынец Кипрушка Лапенков [РСЧ 4: 46].

В пермских памятниках зафиксированы различные именованья одного человека, сделанные в разные годы: в писцовой книге 1623 г. читаем: Крестьянин деревни Мартыновская на реке Иньве Митька Дербыш [К: 154]; в переписной книге 1647 г.: Крестьянин деревни Мартынова на реке Иньве Митька Андреев сын Дербышонков [Е:

142]. Эти записи иллюстрируют динамику характеристики человека по некалендарному имени его отца: в 1623 г. это имя фиксируется без всяких антропонимических суффиксов, указывающих на отцовство; в живой речи, видимо, формируется именование с суффиксом -енок / -онок, свидетельствующим, что Дербышонок – сын Дербыша; в 1647 г. к этому именованию присоединяется еще суффикс притяжательного прилагательного -ов, подчеркивающий, что Дербышонков – сын Дербыша.

В пермских памятниках отмечается значительный ряд некалендарных имен с формантом -ай / -яй (Колупай, Незнай, Нечай, Погадай, Полежай, Полетай, Ростегай, Гунай, Пепеляй), фиксируемых в различных русских текстах с XV-XVI вв. [СДЛСИ]. В большинстве случаев они имели глагольную основу (Замарай < замарать, Запрягай < запрягать, Гуляй < гулять), и их активное образование значительно расширило базу антропонимов, возникавших уже не только от имен нарицательных. На основе имен на -ай / -яй в Пермском крае формировались многочисленные фамилии: Чердынец Якушко Воропаев [РСЧ 4: 72], Житель Соли Камской Федька Игнатьев сын Замараев [Ш 51: 108], Крестьянин деревни Баранчина Пронька Запрягаев [КА: 165], Чердынец Сенка Пинаев [РСЧ 5: 138], Житель города Кунгура Карпушка Потеряев [КА: 13]. В южной части Прикамья в русских текстах фиксировались также имена тюркского происхождения на -ай / -яй (Анакай, Губай, Кендыкай, Кимирай, Мичикай, Мурзанай, Сапай, Сасыкай, Тенекай [СПИ: 452-462]). Они дали полуотчества (Бабкинский татирин Елкабай Анакаев [Ш 2: 260], Иренский татарин Аккилдей Губаев [Ш 2: 254]; Кунгурский черемисин Мурзанай Тенекаев [КА: 27]), из которых затем сформировались фамилии.

В XVI-XVII вв. употреблялись коми-пермяцкие дохристианские имена с формантом -ег / -ог, образованные из слов нарицательных (Азег < азь 'ботва огородных растений', Гачег < гач 'бобр', Жебег < жеб 'дряхлый', Жунег, < жунь 'снегирь', Лунег < лунь 'птица семейства ястребиных', Ныдог < ныд 'грязный', Нылог < ныл 'пихта'). Они дали фамилии, распространенные в Прикамье среди коми и русского населения: Чердынец Стенька Азегов [РСЧ 5: 135], Крестьянин погоста Янидор Корнилко Гачегов [РСЧ 3: 21 об.], Крестьянин деревни Верх-Уролка Ивашко Жебегов [Я: 21 об.], Чердынец Марчко Нылогов [РСЧ 5: 131] и др.

Большой популярностью в Прикамье XVI-XVII вв. пользовались некалендарные профилактические имена с отрицательной коннотацией, данные детям, чтобы предохранить их от воздействия нечистой силы, которая вряд ли обратит

внимание на ребенка с неприятным именем Бука, Булгак ('неспокойный'), Грязной, Дурак, Злоба, Злодей, Негодяй, Пьянка, Худяк, даже из бранных слов Черт, Бес. Полагают, что имена-обереги использовались в семьях, где умирали дети, чтобы защитить их.

От таких имен образованы фамилии Букин, Булгаков, Грязных, Дураков, Злобин, Злодеев, Негодяев, Пьянков, Худяков, Чертов, Бесов, представленные в документах Прикамья и описанные в «Словаре пермских фамилий» [СПФ].

В Пермском крае функционировали начинающиеся с отрицания не- имена-обереги Недорез, Незнай, Незнаха, Неклюд (клюд 'ловкий, складный'), Некрас, Неустройко, Нехорошко и многие другие. Из них вырастали полуотчества, давшие многочисленные фамилии с начальным не-, зафиксированные в пермских текстах XVII-XVIII вв.: Крестьянин деревни Неверова Клима Данилов сын Неверов [КЧ: 86 об.]; В слободе Новое Усолье Нестерко Аганев сын Невзоров [Б: 153 об.] из невзор 'неказистый'; Чердынец Ларка Нежданов [РСЧ 5: 16] из неждан 'нежелаемый, неожидан'; Крестьянин села Ленвенское Савва Александров сын Некипелов [Стр 3: 497 об.] из некипелов 'некипящий, небожий, вялый'; Житель Усоля Камского Данилко Иванов сын Нелюбов [КС: 160], В деревне Урол Акинфей Семенов сын Немытых [Ч: 39]; Двор пуст деревни Ниже-Мулинская крестьянина Гришки Федосиева сына Неприна [Б: 208 об.]; Крестьянин починка Фоминский на реке Каме Филька Григорьев Непряев [Б: 227] из непря, непряй 'глупый, нерадивый'. Список таких фамилий значителен: Непряхин, Несмянов, Нестроев, Нетесов, Нетуняев, Неугодииков, Нехороших, Нецветаев и т.д. В ряде случаев по фамилиям восстанавливаются употреблявшиеся в прошлом некалендарные имена, не попавшие в памятники письменности.

При крещении нередко родные братья получали одинаковые имена, и в семье оказывалось 2 или 3 Ивана, Федора, Петра. Например, в одном из писем XVII в. читаем: Государем милостивым благодетелем Ивану Ивановичу Ивану Ивановичу искатель вашей государьской милости Стенька Рязанцов премного челом бью [КСГ: 91 об.].

В этих случаях братьев различали, используя их некалендарные имена из числительных, определявших порядок рождения тезок в семье. Эти имена играли особую роль: они не сопровождали календарные имена, а употреблялись как единственные в сложных антропонимах. Особую роль в становлении семьи играло рождение первенца, поэтому в документах достаточно много случаев употребления имен от числительного первый (*Первой, Первак, Первуша, Первушка, Первушко,*

Первыня, Первыша, Первышка), из которых образованы пермские фамилии, ср.: *В сельце Воскресенском (Верхнее Калино) на реке Чусовой... крестьянин Антонко Карпов сын Перваков* [Б: 36 об.]; *Деревни Лекмартова на реке Вильве крестьянин Емелька Тимофеев сын Первушин* [КЧ: 110]; «*Житель Вильгортского стана Трифанко Первынин* [РСЧ 4: 54].

Имена сыновей, следующих за первенцем, также образовывали от порядковых числительных. Сына, следующего за первым, называли *Вторым, Вторушей, Вторушкой*. Обычная для живой речи форма *Вторуша* восстанавливается по образованной от нее фамилии Вторушин: Житель города Соликамска Семен Фролов сын Вторушин [ГС: 75].

Третьего сына в семье называли именем Третьяк, а также дериватами *Треня, Тренька, Тренюха*, давшими фамилии: *Крестьянин сельца Никольское на речке Муловке Ивашко Иванов сын Третьяков* [К: 121]; *Житель Кульчужского стана Ивашка Тренин* [РСЧ 5: 62 об.]; *Чердынского уезда Кульчужского стана крестьянин Дениска Тренихин* [РСЧ 5: 60].

В исследованных текстах встретилось только одно наименование четвертого сына – Четвертко (Деревня Мартыновская на реке Иньве... крестьянин Васька прозвище Четвертко Андреев сын Онкова [К: 154]), но нет фамилии от него. В то же время зафиксировано несколько дериватов от имени Пятый (Пятко, Пятуня, Пятулька, Пятуш, Пятуша, Пятушка, Пятыга, Петулька, Петыш) и фамилий, восходящих к ним: В слободе Новое Усолье... Аврамко Васильев сын Пятунин» [Б: 153 об.]; Кунгурской деревни Кадешниковы крестьянин Евтехей Пятушев [Кун: 404 об.]; Деревни Верхолужской крестьянин Фофанко Логинов сын Пятыгин [Б: 167]; Кунгурской деревни Фроловы Иван Мосиев сын Пятышев [Кун: 711 об.]; Кунгурского села Сретенского крестьянин Семен Петунин [Кун: 687 об.].

К именам от числительных восходят фамилии Шестаков, Семериков, Семухин, Семушов, Семушин, Семышев: Крестьянин Орла-городка Демка Титов сын Шестаков [Е: 90]; Кунгурской деревни Мачины крестьянин Устин Васильев сын Семаков [Кун: 657]; Деревни Ужвинской на реке Вильве крестьянин Иванко Семериков [Я: 27]; Деревни Верхнего Мошева крестьянин Тит Васильев сын Семушов [Ч: 141 об.]; Деревни Галашины крестьянин Сергей Фадеев сын Семышев [Кун: 702 об.].

Отмечаются фамилии и от последующих числительных в пределах первого десятка: Чердынец Никишка Осмушин [РСЧ 4: 46]; Чердынец Ортюшка Девятово [КЧ: 51]; Житель Орла-городка Петр Григорьев сын Десятов [Стр 3:

463]. Имен от слова одиннадцатый и далее уже нет.

Существование тезок порождало и другое обозначение порядка рождения сыновей в семье (Большой – Меньшой, Большак – Меньшик) и отражение их в фамилиях: Крестьянин деревни Нижней Шакшер на реке на Каме Фролко Петров сын Большаков [КЧ: 93]; Крестьянин погоста Анисимов Левка Иванов сын Меньшиков [КЧ: 69].

Так как уточняющее именование возникало после появления младшего брата-тезки, то и выделяли некалендарным именем чаще младшего: Меньший, Меншеня, Меньшичко, а также Малец, Малко, Малой, Малуха, Малыга, Мальга, Малюта и т.д. Поэтому в Прикамье гораздо больше фамилий, возникших от этих имен, нежели от именованья старших братьев: Крестьянин деревни Пяткова Яков Лазарев сын Меншенин [Кун: 179], Житель города Перми Осип Родионов сын Меньшуткин [Пр 1: 57], Крестьянин Усолья Камского Ивашка Алексеев сын Малухин [КС: 156 об.], В деревне Никулина на реке Косье крестьянин Ивашко Яковлев сын Малышев [Е: 141], В Пыскорском монастыре Миронко Петров сын Малютин [Е 1: 3] и др. Позднего ребенка именовали Поздеем, отсюда и фамилии Поздеев и Поздиев: В слободе Новое Усолье Никифор Перфирьев сын Поздеев [Ч: 7 об.], Житель села Рож(д)ественское, Комарово тож, Кирило Семенов сын Поздиев [Кун: 401 об.].

Именование сыновей по порядку рождения существовало в Прикамье и у соседей русских – коми-пермяков, о чем свидетельствуют основы фамилий XVII-XVIII вв. Так, фамилия Сизимеров / Сизиморов восходит к коми порядковым числительным сизимёт, сизимёдз ‘седьмой’ [КПРС: 428] (Чердынец Баженко Дорофеев сын Сизимеров [КЧ: 51 об.], Чердынец Ивашка Сизиморов [РСЧ 3: 38]), а фамилия Куимов – к слову куим ‘три’ [КПРС: 199]: «Крестьянин деревни на реке Сумыче Данилко Куимов» [КЧ: 113].

Фамилии Учетов и Учеткин образованы от коми имени Учот из слова учот ‘маленький’, а Мизев от мизьё ‘младший сын в семье’ [Кривошекова-Гантман 1973: 80]: «В деревне У Болота на ключах Гурей Иванов сын Учетов» [Стр 1: 186 об.], «Чердынец Ивашко Учеткин» [РСЧ 7: 23], «Житель починка Пазниковский Матфей Родионов сын Мизев» [Стр 1: 84 об.]. В основе фамилии Серсилов (Крестьянин деревни Парашина Степан Герасимов сын Серсилов [Ш 53: 339] имя Серсило, возникшее из коми слова сёрся ‘поздний, запоздалый’ [КПРС: 426].

Широко известны в Прикамье и в настоящее время, и в памятниках прошлого фамилии, в основе которых лежат некалендарные имена или

прозвища из названий диких и домашних животных (Баранов, Бобров, Вепрев, Кичанов, Котов, Лосев, Лыкасов, Мангутов, Рысев, Соболин), рыб (Бекурин, Ершов, Красноперов, Лашков, Окунев, Палтанов, Сорогин, Шукин), насекомых (Жуков, Комаров, Кузовников), растений (Берснев, Грибов, Кульбикив, Морошкин). Были весьма распространены в Прикамье фамилии, восходящие к названиям птиц (Бусоргин, Воробьев, Голубев, Жаравлев, Загоскин, Крохалев, Лебедев), причем среди них есть коми-пермяцкие антропонимы: Дозморов (дозмёр – ‘глухарь’), Кучев (кутш – ‘орел’), (Ракин (рака – ‘ворона’), Сизев (сизь – ‘дятел’), Сырчиков (сырчик – ‘трясогузка’), Сюзев (сюзь – ‘филин’), Яборов, Ябуров (ябыр – ‘скворец’).

Давая имена, затем вошедшие в фамилии, людей сравнивали с предметами быта, орудиями (Веретнов, Горшков, Кочергин, Кувалдин, Мисюрев, Пестерев), с продуктами и блюдами (Киселев, Овсянников, Печеницын, Простокишин, Рипницын), особенно с разными видами хлеба (Басманов, Житнухин, Ковригин, Короваев, Оладнев, Ситников, Челпанов, Шаньгин). Такие некалендарные имена или метафорические прозвища, а затем образованные от них фамилии хорошо представлены в пермской антропонимии XVI-XVIII вв.

Значительную часть в некалендарном именнике Прикамья составляли имена из слов нарицательных, характеризующих человека по каким-либо физическим или моральным качествам (Горбун, Кокора, Коряка, Молчан). Среди них были имена прилагательные (Белый, Гладкий, Говорливый, Сухой, Черный), давшие современные фамилии с разными формантами (Белов и Белых, Гладков и Гладких, Сухов и Сухих).

Итак, ранние фамилии Прикамья восходят преимущественно к некалендарным именам из русских слов нарицательных, понятных их носителям. Вместе с тем пришедшие с крещением непонятные обычному человеку заимствованные (греческие, латинские и др.) календарные имена к XVII в. становятся не только официальными, принятыми в церковной жизни и в делопроизводстве, но и адаптируются к живой речи. Меняется фонетика заимствованных канонических имен и появляются новые антропонимы: от Евстафий (из греческого *eustathēs* ‘устойчивый’) в Прикамье образованы имена Астафей, Евстафья, Евстахей, Ефстафий, Остап, Остафей, Стафей, Стафий, Стахей, Стахий. Кроме того, полные имена дают дериваты, называемые исследователями также неполными, вторичными, деминутивами, модификатами. Так, от имени Иван образованы отмечаемые в пермских памятниках дериваты Ванько, Ванька, Ваня, Ивака, Иванай,

Иванайко, Иванец, Иванов, Иванка, Иванко, Иванча, Иваш, Ивашка, Ивашко, Ивута, Ивуша, Ивша и др.; от имени Василий – Васкец, Васька, Васнец, Васюк, Вася.

Дериваты легко входят в речь жителей Прикамья, употребляются в той же функции, что и некалендарные имена, и постепенно вытесняют их. От дериватов образуются фамилии (Ванин, Ваньков, Ивакин, Иванаев, Иванцов) которые отличаются от полуотчества (Иванов сын), поэтому используются в деловых документах с середины XVII в. в качестве третьего члена сложного трехчленного антропонима: Чердынской деревни Косолаповы крестьянин Яков Григорьев сын Ваньков [Ч: 131], В Чердынской деревне Вотцком двор пуст Анички Иванова сына Ивакина [ЕЧ: 98], Погоста Нижнего Мошева бобыль Авраам Матвеев сын Ивашев [Ч: 145], Бондюжского стана крестьянин Давыдко Ившиных [РСЧ 4: 37].

В XVIII в. постепенно набирают силу фамилии от полных имен и их фонетических вариантов. Казалось, к этому времени фамилии жителей Прикамья в основном уже сформировались, массовое переселение русских в Прикамье, каким оно было в XVII в., уже сходит на нет. Откуда же было взяться новым семейным именованию – фамилиям от календарных имен? Этому способствовал ряд обстоятельств.

Во-первых, к XVIII в. из делового письма ушли некалендарные имена, в делопроизводстве перестают употреблять дериваты с формантом -ка/-ко (Ивашка, Дениско), обычными для XVI-XVII вв.

Во-вторых, в это время хотя и так активно и не в массовом порядке, как ранее, но в Прикамье появлялись переселенцы (беглые, староверы и др.), которые либо приносили свои фамилии, либо, наоборот, старались заменить их (особенно беглые крестьяне), и возникали новые антропонимы от календарных имен.

Во-третьих, в связи с разрастанием больших семей у отделившихся от них частей появлялись новые, сначала неофициальные именования в живой речи («уличные фамилии»). Они попадают и в письменные тексты: в документах у выделившихся семей фиксировались и старые, и новые именования употреблявшиеся в документах наряду со старыми, в результате появлялись двойные фамилии. В текстах к старой добавлялась новая фамилия, образованная от полного календарного имени: Села Кыласова крестьянина Луки Прокопьева сына Кыласова и Иванова дочь Харитонья [Кун: 2 об.]; Деревни Быковы Большой крестьянин Конан Егоров сын Давыдов и Веревкин [Ч 3: 26]. Одна из фамилий могла быть образована от полного имени, другая – от дери-

вата: Житель Кызеловского рудника Анофрий Никитин сын Никитин и Епишин [Ч 1: 140]. Старая фамилия большой семьи иногда сохраняла формант -ых, а новая, относящаяся к выделившейся из нее семье, такого форманта не имела: Крестьянин деревни Лекмортова Евдоким Еремиев сын Федоровых и Евдокимов [Ч 5: 12 об.]. Впоследствии старое название выделившейся семьи утрачивалось.

В-четвертых, в XVIII в. иногда старались заменить старые фамилии, возникшие от обзывных прозвищ с отрицательной коннотацией, например: Крестьянин деревни Осиновская Гришка Терентьев сын Говнотыкин [Е: 138]. Их заменяли образованными от календарных имен.

Анализ материалов пермских памятников позволяет проследить процесс становления фамилий основного населения Прикамья в XVII-XVIII вв., проходивший в русле развития всей русской антропонимии, и увидеть механизм формирования пермских фамилий, совпадавший с общим для всей России процессом. От имени в одном поколении через ступень «отпрзвищное отчество» в следующем к семейному именованию в третьем поколении. Для последних еще не было специального термина в деловом языке, заимствованное слово фамилия в XVIII в. употреблялось со значением 'семья', а его синонимом семья называли в Прикамье не только семью, но и жену: А похочю яз Иван Максимов или сын мой Митрофан или семья моя Дарья во иноческий чин постритчися и им нас в мнстре покоити [ГКЭ 17: 11261].

Подводя итоги, отметим основные.

Пермские документы дают возможность установить базу формирования фамилий, в которой существенное место занимали имена. Это были и остатки древнерусских имен с формантами -ило и -ата / -ята, и активизирующиеся в XVI-XVII вв. некалендарные имена с -ай / -яй, и коми-пермяцкие заимствования с -ег / -ог. Большую роль также играли имена без антропонимических формантов, образованные из названий объектов природы (животных, птиц и др.), предметов быта, физических и моральных качеств людей. Среди них отмечаются многие слова из коми-пермяцкого языка, что отличало пермскую антропонимию от именовании в других регионах.

Анализ текстов Прикамья позволяет выявить процесс развития фамилий, причины перехода в образовании отыменных фамилий от некалендарных имен к формированию их от календарных полных или дериватов от них. Этот процесс шел и в живой речи, и в деловом языке, где закреплялись новые фамилии, в большинстве своем сохранившиеся до настоящего времени.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке АБЦП «Развитие научного потенциала высшей школы», № 2.1.3./2175 «Лингвокультурное пространство Верхнего Среднего Прикамья», № 2.1.3/483 «Русская речь Пермского края: история и современность» и гранта РГНФ № 08-04-82402 а/У «Диалектный тематический словарь “Человек”».

² Женщин в писцовых книгах не переписывали, так как подати рассчитывались по работникам, т.е. мужчинам; женские антропонимы учитывались в этих книгах, только если женщина стала вдовой, не вышла снова замуж и у нее не было взрослого сына. В таком случае ее записывали в писцовые книги, но это отмечается крайне редко.

Список источников

Б – Список Соли Камской переписных книг переписчика князь Феодора Бельского 186 (1678) году. Копия. Рукопись. ГАПК. Ф. 597. Оп. 1, № 22.

ГКЭ – Грамоты Коллегии экономии. Рукопись. РГАДА. Ф. 281. Оп. 17.

ГС – Ревизская сказка города Соликамска 1751 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 2220.

Даш – Переписные Осинские книги князя И.Дашкова 1678 г. с пояснениями В.Н.Шишонко. Копия с копии. Рукопись. ГАПК. Ф. 321. Оп. 1. №. 34.

Е – Переписная книга воеводы Прокопья Козмича Елизарова 7155 (1647) г. по вотчинам Строгановых // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1893. Вып 2. С. 87-146.

ЕЧ – Пермь Великая Чердынь. Книга переписная посаду переписи Прокофья Елизарова 155 г. Пермь Великая Чердынь. Рукопись. РГАДА. Ф. 1209. Оп. «Поместный приказ». Ед. хр. 351.

К – Писцовая книга Кайсарова 1623/4 по Великопермским вотчинам Строгановых // Дмитриев А. Пермская старина. Вып. 1-4. Пермь, 1889. С. 110-194.

КА – Кунгурские акты XVII века (1668-1699 гг.) / сост. А.А.Титов. СПб., 1888.

КЗСИ – Кунгурская земская судная изба. 1702-1705 гг. Рукопись. РГАДА, Ф. 687. Оп. 1.

КС – Писцовая книга Кайсарова Соли Камской 1579 г. Рукопись. Список 1877 г. РГБ. Ф. 256. № 308. Л. 153- 186.

КСГ – Копии соликамских грамот XVI-XVIII вв. Рукопись. Пермская областная библиотека им. А.М.Горького. Ф. редкой книги. № 61593.

Кун – О приписных и государственных крестьянах Кунгурской округи, 1782 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 3. Ед. хр. 374.

КЧ – Писцовая книга Перми Великой 1579 г. Рукопись. Список 1877 г. РГБ. Ф. 256. № 308. Л. 46-152.

Пр 1 – Ревизская сказка губернского г. Перми. 1791-188 гг. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. № 1655.

РСЧ – Расписные списки. Рукопись. РГАДА. Ф. 137. Оп. «г. Чердынь». Ед. хр. 1-10.

СПИИ – Пермские документы XVII – начала XVIII в. Рукопись. Архив СПб Ин-та истории РАН. Ф. 122, коробки 2-5.

Стр 1 – Сказки о числе дворовых, мастеровых, крестьян в вотчинных селениях и деревнях барона Строганова Соликамского уезда Пермской губернии по ревизии 1762 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 2950. Лл. 1-211.

Стр 3 – Сказки о числе дворовых, мастеровых, крестьян в вотчинных селениях и деревнях барона Строганова Соликамского уезда Пермской губернии по ревизии 1762 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 2950 б. Лл. 393-583.

СЧ – Подушный список жителей мужского пола сел, деревень и починков Соликамской провинции первой половины XVIII в. Рукопись. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3. Лл. 1-190.

Уд – Удинцев В. Чердынские акты XVI-XVIII вв. // Удинцев В. История займа. Киев, 1908.

Ч – Ревизская сказка Чердынского уезда 1711 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2357.

Ч 1 – Ревизские сказки на крестьян Соликамской и Чердынской округи вотчин В.А.Всеволожского, П.Г.Шаховского, И.А.Лазарева, А.С.Строганова, заводчиков Подходяшиных и других, 1782 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 15. Т. 1.

Ч 3 – то же, дело 15 б.

Ч 5 – то же, дело 15 г.

ЧМ – Чердынские свитки XVII-XVIII вв. Рукопись. Чердынский краеведческий музей. Ф. 2558.

Ш 2 – Шишонко В. Пермская летопись. Второй период. Пермь, 1882.

Ш 51 – Шишонко В. Пермская летопись. Период 5. Часть 1. Пермь, 1885.

Ш 53 – Шишонко В. Пермская летопись. Период 5. Часть 3. Пермь, 1889.

Я – Писцовая книга Ивана Яхонтова Перми Великой 1579 г. Рукопись. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 256. № 308.

Список литературы

Азарх Ю.С. Словообразование и формобразование существительных в истории языка. М.: Наука, 1984. 247 с.

Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979. 279 с.

Бондалетов В.Д. Русская ономастика: Учеб. пособие для студентов. М.: Просвещение, 1983. 224 с.

Карнович Е.П. Родовые прозвания в России. Титулы в России. Слияние иноземцев с русскими // Карнович Е.П. Собр. соч. в 4 т. М.: Terra, 1995. Т.2. С. 483-588.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / сост. Р.М.Баталова, А.С.Кривошекова-Гантман. М.: Рус. яз, 1985. 624 с.

Кривошекова-Гантман А.С. Русские фамилии коми-пермяцкого происхождения / А.С.Кривошекова-Гантман // Языки и ономастика Прикамья / Перм. пед. ин-т. Пермь, 1973. С.76-86.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 720с.

Зинин С.И. Введение в русскую антропонию: Пособие для студентов / Ташк. ун-т. Ташкент, 1972. 277 с.

Королева И.А. Словарь фамилий Смоленского края. Смоленск: СГПУ, 2006. 368 с.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / сост. Р.М.Баталова и А.С.Кривошекова-Гантман. М.: Русский язык, 1985. 624 с.

Кривошекова-Гантман А.С. Русские фамилии коми-пермяцкого происхождения // Языки и ономастика Прикамья / Перм. пед. ин-т. Пермь, 1973. С. 76-86.

Кюршунова И.А. Словарь некалендарных личных имен и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV-XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 672 с.

Медведева Н.В. Связи прозвищ и фамилий с топонимами в переписных документах Прикамья первой половины XVII века // Житниковские чтения: Динамический аспект лингвистических исследований: Мат-лы Всерос. науч. конф. / Челябин. ун-т. Челябинск, 1999. Ч. 2. С. 95-99.

Никонов В.А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. 278 с.

Никонов В.А. География фамилий. М.: Наука, 1988. 192 с.

Никонов В.А. Словарь русских фамилий. М.: Школа-Пресс, 1993. 222 с.

Ономастикон – Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 382 с.

Парфенова Н.Н. Словарь русских фамилий конца XVI-XVIII веков (по архивным источникам Зауралья). М.: Изд. дом «Синергия», 2005. 480 с.

Полякова Е.Н. Наименования людей в Соликамской и Цыдве в XVII – начале XVIII века // Живое слово в русской речи Прикамья / Перм. ун-т. Пермь, 1974. Вып. 4. С. 95-112.

Полякова Е.Н. Из истории русских имен и фамилий. М.: Просвещение, 1975. 159 с.

СДЛСИ – Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М.: Языки славянских культур, 2005. 915 с.

Селищев А.М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Селищев А.М. Труды по русскому языку. Т.1. Социолингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2003 а. С. 387-422.

Селищев А.М. Смена фамилий и личных имен // Селищев А.М. Труды по русскому языку. Т.1. Социолингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2003 б. С. 423-435.

Семыкин Д.В. Чердынская ревизская сказка XVIII в. как источник изучения ономастики // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России: Мат-лы науч. конф. Пермь, 1999. С.15-21.

Смольников С.Н. Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI-XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. 256 с.

СПИ – Полякова Е.Н. Словарь имен жителей Пермского края XVI-XVIII веков. Пермь: Издат. дом Бывальцева, 2007. 464 с.

СПФ – Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. Пермь: Книжный мир, 2005. 463 с.

Суперанская А.В. Структура имени собственного (Фонология и морфология). М.: Наука, 1969. 207 с.

Толкачев А.И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квали-

тативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI-XV вв. // Этимология 1975. М.: Наука, 1977. С. 98-128.

Унбегаун Б.-О. Русские фамилии. 2-е изд. М.: Прогресс; Универс, 1995. 447 с.

Федосюк Ю.А. Русские фамилии. Популярный этимологический словарь. М.: Дет. лит., 1972. 223 с.

Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии: Словарь. Вологда: Русь, 1995. 122 с.

Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий: Вопросы русской исторической ономастики XV-XVII вв. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1959. 128 с.

Шумилов Е.Н. Тимошка Пермитин из деревни Пермьяки. Пермь: Перм. книж. изд-во, 1991.

Дополнительные условные сокращения

ГАПК – Государственный Архип Пермского края

Д. – дело

Ед. хр. – единица хранения

Лл. – листы

об. – оборот

Оп. – опись

РАН – Российская академия наук

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГБ – Российская государственная библиотека

Т. – том

Ф. – фонд

DERIVATION OF PERM SURNAMES FROM NAMES IN XVII-XVIII CENTURIES

Elena N. Polyakova

**Professor of General and Slavic Linguistics Department
Perm State University**

On the data of Perm written monuments of the XVI – XVIII centuries we deal with the derivation of Prikamiye surnames and their stems origin. The mechanism of surnames derivation from calendar names on the basis of patronymics, the reasons of the surnames derived from non-calendar names prevailing in the XVII century and the surnames derived from calendar names prevalence in the XVIII century are shown. Archaic Old-Russian names, groups of widely spread non-calendar names of the XVII century, Komi-Permyak names in the basis of surnames are described. The research is urgent for the development of the history of Russian antroponymy, history of the Russian language, the description of the language and culture of Prikamiye.

Key words: Prikamiye; derivation; surnames; calendar and non-calendar names.